

Русская литература в иностранной аудитории: литературоведческий, языковой, культурологический, страноведческий аспекты

В. И. Абрамова (г. Тула)

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

© В. И. Абрамова, 2016

Обращение к мифопоэтическим образам в процессе преподавания русской литературы в иностранной аудитории

В статье представлен краткий обзор произведений русской литературы, в контексте которых играют важную роль мифопоэтические образы «древо» и «птица». Автор предлагает один из вариантов работы с этими образами, имеющими сходное значение в разных культурах, при изучении русской литературы с иностранными студентами.

Ключевые слова: русская литература, мифопоэтические образы, древо, дуб, птица

В мировой культуре присутствуют образы, значение которых сформировалось в глубокой древности. В связи с этим они являются общими для представителей разных наций. Эти образы вошли в фольклор и искусство. Опираясь на их сходное значение в процессе преподавания русской литературы иностранцам, мы сможем сделать ее более близкой, понятной и интересной. Один из таких образов – дерево, мировое древо.

«Мировое древо (*arbor mundi*, «космическое» древо), характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ древа мирового засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах» [7, с. 398]. В мифах разных народов мировое древо – это некая ось, на которую нанизаны элементы мироздания. С мировым древом связаны бинарные представления о пространстве (верх – низ, небо – земля, земля – подземное царство, север – юг, запад – восток) и о времени (прошлое – настоящее – будущее, день – ночь, благоприятное – неблагоприятное время года, предки – нынешнее поколение – потомки).

В славянской мифологии роль мирового древа выполнял дуб. Он связан с богом-громовержцем (Перуном) и символизирует силу, крепость и мужское начало. «В славянских заговорах дуб <...>, стоящий на острове, вблизи храма, на горе, посередине океана и т.п., обозначает центр мира и сам мир и, вместе с тем, идеальное иномирное пространство, где только и возможно разрешение той или иной кризисной ситуации. Рядом с дубом или прямо на нем находятся Царь, царица, Бог, Богородица и святые, а вокруг дуба в его корнях или на листьях лежит змея» [1, с. 143]. В русской народной

сказке «Петух и жерновки» из желудя, провалившегося в подпол, вырастает дуб, по которому можно забраться на небо и получить волшебные дары. В загадке «Стоит дуб, на дубу 12 гнезд, на каждом гнезде по 4 синицы, у каждой синицы по 14 яиц, семь беленьких и семь черненьких» дуб является временной проекцией мирового древа.

В русской литературе дуб появляется в одном из самых известных как для русского, так и для иностранного читателя текстов – вступлении к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зеленый...» На него, как на волшебную ось, нанизаны элементы пушкинского сказочного мира с образами, пришедшими из русского фольклора: русалка, леший, избушка на курьих ножках, «ступа с Бабою Ягой», «царь Кашей». Этот дуб словно соединяет два мира: реальный и ирреальный, волшебный, сказочный.

Появляется образ дуба и в философском стихотворении А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов Переживет мой век забвенный, Как пережил он век отцов». Здесь дуб связан с представлениями временного плана: о конечном – бесконечном, о прошлом, настоящем и будущем.

В «широкошумные дубровы» бежит от «суетного света» пушкинский поэт из одноименного стихотворения («Пока не требует поэта...»). Под сенью дубов он будет общаться с богом искусства Аполлоном, слушать «божественные глаголы», предаваться вдохновению. Дуб здесь снова выступает в роли проводника в иной мир, мир верхний, божественный, противопоставленный миру земному.

Символом иного мира становится дуб и в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»: лирический герой мечтает «забыться и заснуть», оказаться в некоем идеальном пространстве, где сладкий голос будет день и ночь петь ему о любви, а «темный дуб», «вечно зеленая», склоняться и шуметь над ним.

Еще один «знаменитый» дуб русской литературы – это дуб из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: «На краю дороги стоял дуб. Он был, вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными суками и корой, заросшей старыми болячками. С огромными, неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиниться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца». Глядя на этот дуб, разочарованный князь Андрей думает о том, что его жизнь кончена, «что он должен доживать свою жизнь, не деля зла, не тревожась и ничего не желая». И тот же дуб, «весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени», внушает ему «беспричинное весеннее чувство радости и обновления». Символизируя возрождение души, толстовский дуб, как и мировое древо, оказывается связанным с

идеей времени, с его циклической моделью, где все движется по кругу: вслед за угасанием снова наступает расцвет.

Князь Андрей у Л.Н. Толстого вдохновлен на новую жизнь не только дубом, но и случайно подслушанным разговором Сони и Наташи в Отрадном: «– Соня! Соня! – послышался опять первый голос. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – сказала она почти со слезами в голосе. – Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвечала.

– Нет, ты посмотри, что за луна!.. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки – ту же, как можно ту же, натужить-ся надо, – и полетела бы. Вот так!»

Образ птицы – еще один мифопоэтический образ, который широко представлен в русской литературе.

Согласно энциклопедии «Мифы народов мира», птицы в различных мифопоэтических традициях выступают как «непременный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями» [3, с. 389]. Они могут быть «божествами, демиургами, героями, превращёнными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев; тотемными предками и т.п.», выступают «как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъёма, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т.п.» [Там же].

В русской календарной обрядовой поэзии образ птицы занимает центральное место, присутствует в закличках весны, фигурирует в обрядовом контексте таких праздников, как Герасим-грачевник (4 марта), Сороки (22 марта), Благовещенье (7 апреля). Последнему празднику посвящено стихотворение А.С. Пушкина «Птичка». Птичка, выпущенная на волю лирическим героем, символизирует свободу, которой лишен сам поэт (стихотворение написано в Южной ссылке). Поэтому финал произведения наполнен не только умиротворением, но и горечью: «Я стал доступен утешенью; За что на Бога мне роптать, Когда хоть одному творенью Я мог свободу даровать!» Такую же неутоленную мечту о свободе символизирует образ «орла молодого» в знаменитом стихотворении «Узник». Это стихотворение тоже было написано поэтом в Южной ссылке.

В повести И.С. Тургенева «Ася» с помощью символического сравнения человек – птица «акцентируется проблема кратковременности и невозможности человеческого счастья» [6, с. 10]. Н.Н. Старыгина отмечает присутствие образа-символа «птица» во вступлении к повести (ощущения молодого человека передает фраза: «Я только что вырвался на волю»), в разгово-

ре Аси и героя на горе, откуда открывается вид на Рейн: «Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы... – А крылья могут у нас вырасти, – возразил я. – Как так? – Поживите – узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья». Любовь, которую переживают герои, окрыляет их. «Крылья у меня выросли», – говорит Ася. «Меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья», – вспоминает Н.Н. С птицей сравнивается Ася в момент свидания: «...она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка». На «огромную, сгорбленную птицу» похож дом фрау Луизе, в котором свидание происходит. «Что осталось... от тех крылатых надежд и стремлений?» – с горечью размышляет герой-рассказчик в финале повести [6, с. 10–11].

Образ птицы играет важную роль в пьесах А.Н. Островского «Гроза» и «Бесприданница». Знаменитый монолог Катерины начинается словами: «Отчего люди не летают!» Приземленная Варвара не понимает ее, и Катерина продолжает: «Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?»

Как и героев повести И.С. Тургенева «Ася», Катерину окрыляет любовь. Но и до встречи с Борисом ее душа была крылатой. «Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле», – вспоминает Катерина. «А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху». Образ птицы здесь является и символом чистой души, и символом свободы, которой героиня оказалась лишена, будучи выданной замуж за Тихона, попав в дом Кабанихи, где «все как будто из-под неволи».

Имя героини драмы «Бесприданница» – Лариса – переводится как «чайка». И ее крылатая душа вынуждена томиться в мире, лишенном любви, взаимопонимания, искренности, в мире, где все продается и покупается. Интересно, что и любимый пароход Паратова носит «птичье» имя – «Ласточка». Решив жениться на богатой невесте, чтобы поправить свои дела, Паратов предает обеих: обманывает Ларису, продает «Ласточку». Образ птицы в драме «Бесприданница» – символ поруганной красоты, обманутых надежд, несбывшихся мечтаний.

Образ птицы становится центральным символом комедии А.П. Чехова «Чайка». С чайкой ассоциирует себя Нина Заречная и в самом начале пьесы («А меня тянет сюда к озеру, как чайку...»), и в ее финале («Я – чайка...»). С чайкой связывает ее и Тригорин, придумывая «сюжет для небольшого рассказа»: «...на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно

пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку». С чайкой ассоциирует себя Треплев. Положив у ног Нины убитую им чайку, он говорит: «Скоро таким же образом я убью самого себя».

По мнению В.В. Гульченко, так или иначе соотносятся с Чайкой не только Нина и Треплев, но и Аркадина, Тригорин, Маша, Дорн и Сорин. «Меньше всего Чайки», считает исследователь, в чучеле убитой Треплевым птицы: «Труп птицы плохо отождествляется с самой птицей, олицетворяющей прежде всего *движение, полет, устремленность к неким дальним высям*. В тело летящей птицы, как известно, поселяются души умерших людей, что есть знак преодоления, отчуждения смерти, перехода из земного бытия в другое, вечностное, инобытие – в царство Мировой души». И далее: «Убитая Чайка – это *остановленный полет*, это отказ движению в праве быть, осуществляться; но никак не тушка выпотрошенной для консервации птицы. Уж где меньше всего признаков Чайки, так это в данной тушке» [2].

Рассуждая о символике чеховской «Чайки», М.Ф. Мурьянов пишет: «Птица как символ высокого человеческого духа, известна во все времена эпохи мирового искусства, но для запредельных состояний, помещаемых художественным воображением Треплева за финалом всемирной истории, эта роль должна быть отведена именно чайке. Это единственная птица, само название которой производно от глагола душевного движения *чаять*» [5, с. 218]. «У Чехова все персонажи живут сразу в двух временных измерениях. Они проживают не только свои нормальные человеческие жизни, но и подчиняются времени природному», – отмечает Л.В. Карасев [4, с. 244–245].

Объединив эти точки зрения, В.В. Гульченко делает вывод о том, что семь героев «Чайки» живут *двойственной жизнью*, «разрываясь между реальным своим положением и желаемым, *чаемым*» [2].

Итак, мифопоэтические образы «дерево» и «птица» играют важную роль в русской литературе и соотносятся по своему значению с подобными образами в других культурах. Изучая произведения русской литературы, в которых содержатся данные образы, можно придерживаться следующего плана:

1. Объяснение значения образа (дерева/птицы) в русской культуре.
2. Рассказ о значении образа в культуре иностранных учащихся.
3. Сравнение, сопоставление этих значений, поиск общего.
4. Проекция этих значений на изучаемое произведение, на содержащийся в нем образ и его контекст.

Примечания

1. Агапкина Т.А. Дуб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1999.
2. Гульченко В.В. Сколько чаек в чеховской «Чайке»? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2009/12/gu11.html>
3. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птица // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1987.

4. Карасев Л.В. Вещество литературы. М., 2001.
5. Мурьянов М.Ф. О символике чеховской «Чайки» // Чеховиана: Полет «Чайки». М., 2001.
6. Старыгина Н.Н. «Ася» И.С. Тургенева // История русской литературы второй половины XIX века: практикум. М., 2001.
7. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1987.

Л. Н. Алешина (г. Москва)
Российский государственный социальный университет

© Л. Н. Алешина, 2016

Культурологический аспект в преподавании истории русской литературы иностранным учащимся

В статье описываются новые методы изучения истории русской литературы на занятиях по русскому языку как иностранному. Автор предлагает на материале произведений древнерусских авторов познакомить иностранцев с историей России, истоками культурных традиций и обычаев русского народа.

Ключевые слова: национальная культура, история, литература, менталитет, межкультурная коммуникация

Русская литература – часть русской истории. Путь каждого народа сходен с путями других народов, он подчинен общим законам развития человеческого общества. Русская литература, значительный пласт которой представлен литературой Древней Руси, является ядром нашей национальной культуры. Она отражает русскую действительность и составляет одну из ее важнейших сторон. Без древнерусской литературы невозможно представить себе русскую историю и русскую культуру. В древнерусской литературе отмечают философские мудрые произведения о человеческом бытии, о мире, они запечатлели и быт древнего русича в простых, добрых, казавшихся наивными деталях. В целях повышения статуса русского языка в современном международном пространстве следует уделить особое внимание лингвокультурологическому аспекту. В этом плане прикосновение к творчеству древнерусских авторов всегда ценно, поучительно, неожиданно. В последнее время выявляется тенденция к подмене истинных художественных ценностей массовой псевдокультурой, что ведет к искажению литературных норм русского языка. В таких условиях чрезвычайно важно знакомить иностранных студентов с лучшими образцами русской и древнерусской литературы, так как это способствует ускорению процесса овладения нормами русского языка, а также выработке навыков культуры речи.

Лингвокультурологическое развитие иностранных учащихся на уроках русского языка должно быть направлено прежде всего на лингвистическую,